ной части писем Исидора указывает также отсутствие биографических сведений о нем. Когда он был жив, он был неизвестен, и им не интересовались. Но, применяя к Исидору слова Гоголя о себе, можно сказать, что его имя стало счастливее самого Исидора. Когда накопилось большое число писем с его именем, оно обратило на себя внимание; византийские авторы стали сообщать об Исидоре разнообразные слухи, и была создана биографическая схема по готовым трафаретам житийной литературы.

Под покровом имени Исидора Пелусиота, которым стали пользоваться как псевдонимом, появилась та обличительная смелость писем в отношении адресатов, не исключая самого императора Феодосия, на которую П. С. Казанский ссылается как на доказательство подлинной принадлежности писем Исидору, но которые так же не принадлежали ему, как большая часть оппозиционных эпиграмм в русской рукописной литературе 20—30-х годов XIX века, традиционно приписывавшихся Пушкину, не принадлежала последнему.

Хотя письма Исидора Пелусиота представляют продукт коллективной мысли, тем не менее они объединены высокой культурой языка и древнегреческими литературно-философскими традициями. Письма Исидора идут из кругов, очень близких к древнегреческой классической литературе, с выработанными литературно-художественными вкусами, где, как читаем в письме к софисту Гарпокре, „одни хвалили высоту мыслей Платона, другие — величавость Эврипида; одни любили простоту Исократа, другие — суровость Демосфена; иные, наконец, одобряли ясность и тонкость речи Эсхина“.[1]

Древнегреческая классическая литература рассматривается в письмах Исидора в одной нравственной плоскости с библейскою. Так, рассуждая в письме к схоластику Олимпию о том, что убеждения не всегда влияют на тех, кого стараются убедить, автор сначала приводит библейские примеры такого положения, а затем классические: „Обрати внимание, — говорит автор, — на тех, кто был вне церкви и достиг высшей славы в красноречии, в его силе и убедительности. Почему Платон, это сокровище греков, по собственному решению изгнал себя? Не потому ли, что он не мог убедить ни одного тирана? Далее, почему Пифагор, который, по общему убеждению, был исполнен мудрости, отступился от общения с Фаларисом? Не по той ли причине, что даже после такого высокого назидания последний продолжал оставаться тираном? Почему Сократ, который превосходил всех мудрецов своего века, погиб, приговоренный к цикуте? Не потому ли, что люди не сносят равнодушно тех, кто старается их исправить?“.[2]

В письме к Офелию Грамматику автор убеждает последнего, раз он признает себя философом, сносить оскорбления, приводя в пример нравственную стойкость Сократа,[3] хотя христианский писатель мог бы в этом случае назвать имена, более убедительные для христианина.

Таким образом, Исидор Пелусиот, несмотря на то, что он должен быть признан коллективным автором, является наследником классической греческой философии и литературы и оформленного, отшлифованного древнегреческого языка.

---

[1] P. Migne, ук. соч., кн. IV, письмо XCI, стр. 1152.
[2] Там же, письмо CCV, стр. 1297
[3] Там же, кн. I, письмо XI, стр. 185.